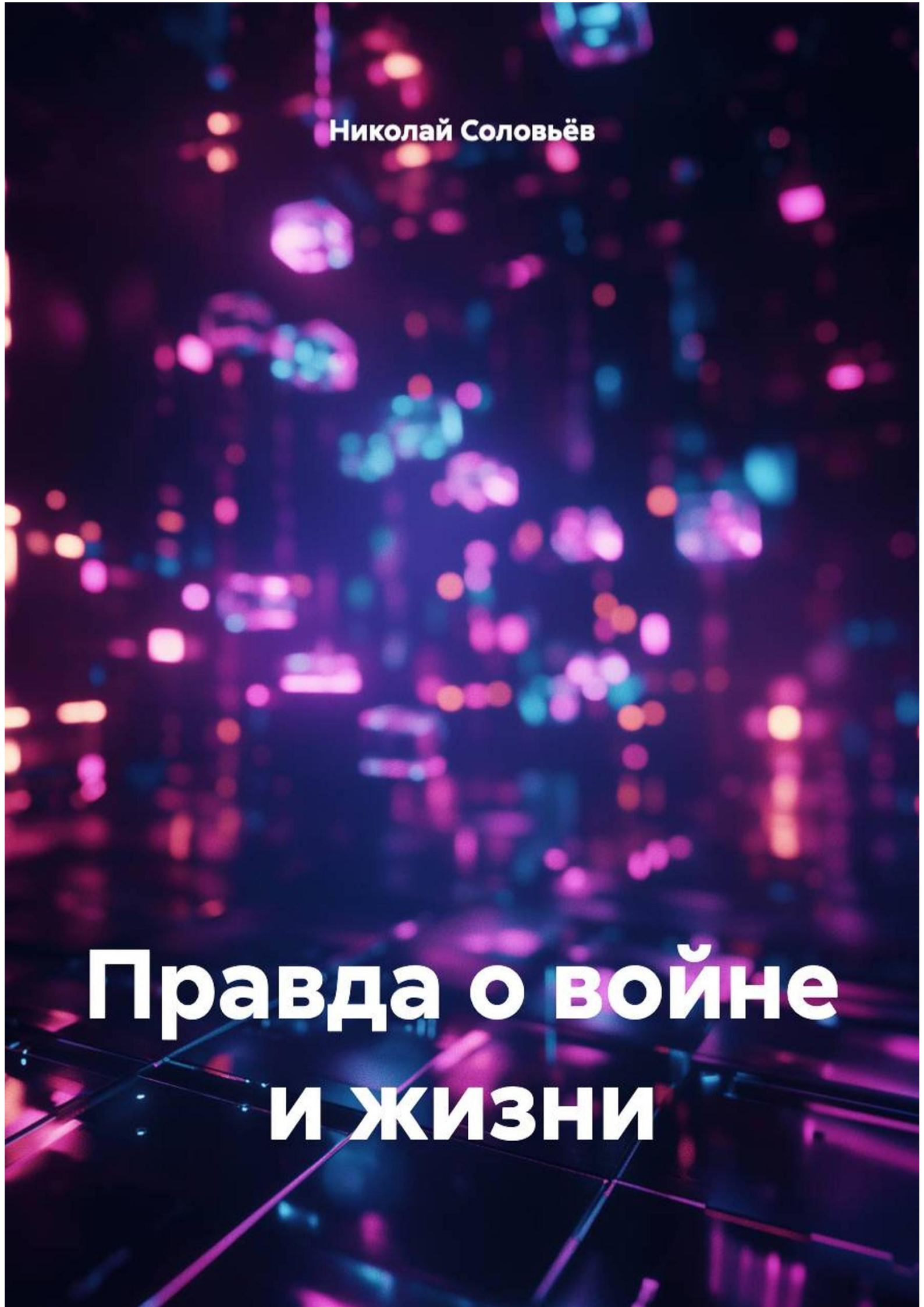

The background is a dark, abstract composition. It features numerous out-of-focus light spots in shades of magenta, cyan, and orange, creating a bokeh effect. Overlaid on this is a faint, three-dimensional wireframe grid that recedes into the distance, adding a sense of depth and a technological or digital aesthetic.

Николай Соловьёв

Правда о войне и жизни

Николай Соловьёв

Правда о войне и жизни

«Автор»

2026

Соловьёв Н. И.

Правда о войне и жизни / Н. И. Соловьёв — «Автор», 2026

Дорогой читатель. Я-внучка этого сильного и героического человека. Только сейчас появилась возможность издать воспоминания, написанные моим дедушкой, написанные спустя несколько лет после великой Победы. Он работал над книгой 10 лет. Это тяжело читать, и я не представляю, как он, переживший всё это, нашёл силы так кропотливо и тщательно воспроизвести все события, вновь переживая это. Я склоняю голову перед героями войны, и хочу, чтобы эта история помогла людям узнать больше о нашем о наших родных и близких, сложивших голову на полях битвы во имя нас. Я понимаю, в какое время я публикую это, но мне кажется, что сейчас - самое время вспомнить нашу историю и наших героев: не придуманных, а близких и родных наших людей.

© Соловьёв Н. И., 2026

© Автор, 2026

Николай Соловьёв

Правда о войне и жизни

Проходят годы, растёт и живёт молодое поколение людей, но никогда не изгладятся в памяти грозные годы минувшей войны. На полях великих сражений решалась судьба нашей страны, и в этих сражениях мужали и крепили моральные и душевные качества советских людей как на фронте, так и в тылу. Да, тяжёлые испытания выпали на долю советских людей в период Отечественной войны. Особая тяжесть выпала на долю воинов-фронтовиков, которые с оружием в руках сражались с сильным, коварным и жестоким врагом. На огненных рубежах сражений каждый воин был виден как на ладони: кто трус, кто подхалим, кто чистобай, а кто – настоящий человек. Подавляющая часть фронтовиков была из числа настоящих патриотов нашей отчизны.

Пройдя по огненным дорогам войны от звонка до звонка, участвуя на шести её фронтах, я воочию убедился в душевной чистоте, беспредельной преданности Родине и непримиримости к врагу у наших воинов. На каждом шагу нас подстерегала смерть, но мы, со скрежетом зубов, стремились отомстить жестокому врагу. Не падали духом и при потере боевых друзей, а питали ещё большую ненависть к презренным ордам. Да, многие боевые друзья и товарищи не дожили до дня нашей победы. Они сложили головы на полях сражений. Из числа тех, кто остался в живых, многие стали инвалидами; к их числу отношусь и я.

Очень кратко я решил поделиться со своими близкими воспоминаниями о своём боевом пути, который мне пришлось пройти по полям жестоких сражений с врагом.

Воскресным утром, 22 июня 1941 года, по радио выступил В. М. Молотов, который сообщил, что фашистская Германия, нарушив пакт о ненападении, без объявления войны, крупными силами, нарушила всю нашу западную границу. Наша доблестная Красная армия отражает яростный натиск гитлеровцев. Выступление заканчивалось словами о том, что наше дело правое и победа будет за нами. Таким образом, началась Великая Отечественная война. Была объявлена мобилизация соответствующих возрастов. Настроение у многих было подавлено. Некоторые не давали себе полного отчёта о наступившей военной угрозе. С другой стороны, каждый тайл в себе успокаивающую мысль о том, что теперь Красная армия покажет свою силу и мощь, ибо мы воспитаны в духе непобедимости нашей армии и Военно-Морского флота.

Утром 23 июня нас с директором республиканских курсов киномехаников Осипьянцем Э. А. пригласили в республиканское управление кинофикации. По прибытии туда начальник отдела кадров Черникова Дина Алексеевна вручила нам бумагу для горвоенкомата примерно такого содержания: Республиканское управление кинофикации просит дать бронь от призыва в Красную Армию директору Республиканских курсов киномехаников Осипьянцу-Эдуарду Атанесовичу и его заместителю по учебной части Николаю Ивановичу Соловьёву. В противном случае некому будет готовить для республики кадры киномехаников. Всё это выглядело наивно, и я с недоверием отнёсся к этой затее. Тем не менее мы пошли в военкомат. Военком прочитал нашу бумагу, ехидно улыбнулся и заявил, что если таким образом давать бронь от призыва в армию, то кто же будет воевать с коварным врагом. Минувя управление кинофикации, мы прибыли на работу. Позвонили в управление по телефону и сообщили о результатах.

25 июня я получил повестку с предписанием явиться на сборный пункт. Не получив расчёта, в сопровождении курсантов прибыл на место сбора. В ночь с 26 на 27 июня ночевал на каком-то сборном дворе. Ночь выдалась холодной, а я прибыл в одной сорочке.

27 июня всю команду отправили в пригород Ташкента, где располагалась 194-я горно-стрелковая дивизия. Вся команда была распределена по частям дивизии в порядке приписки.

Я был включён в состав 137-го отдельного разведывательного кавалерийского эскадрона радиостом. По военно-учётной специальности числился кинорадиомехаником, ибо в период срочной службы 1931–1932 гг. в Термезе прошёл шестимесячные курсы кинорадиомехаников при штабе САВО в Ташкенте. Всех новичков сводили в баню и выдали обмундирование, а через день выдали винтовки. Таким образом, из-за нападения фашистской Германии на нашу страну мирную профессию пришлось сменить на винтовку.

Какое же было настроение населения в начале войны? Более опытные и искушённые в жизни глубоко поняли, что на страну выпало тяжёлое испытание: настали трудные времена. Другие считали, что это временное явление, что Красная Армия только и ждала этого момента, чтобы показать свою силу. Ведь мы воспитаны в непобедимости наших Вооружённых Сил. Когда-то К. Е. Ворошилов авторитетно заявил, что если враг посмеет нарушить наши священные рубежи, то бои будут проходить только на его территории. Поэтому внешне чувствовалась большая тревога, а в мыслях – какое-то удовлетворение от того, что теперь Красная Армия покажет, на что она способна.

Мне с наводчиком-радиостом была вручена переносная полевая радиостанция 6ПК. Надо было в считанные дни освоить материальную часть радиостанции, научиться подключать и настраивать приёмопередатчик, входить в радиосвязь. Нужно было вспомнить работу на ключе по азбуке Морзе. Ведь за восемь лет после срочной службы в Армии радиотехника далеко шагнула вперёд, а за эти годы я ни разу не держал ключа в руках. Занимались строевой подготовкой и изучением уставов. Коня пока не доверяли, но чистить коней заставляли. Словом, день был заполнен с утра до вечера. Из обмундирования очень беспокоили обмотки: они часто развязывались, приходилось останавливаться, а потом догонять строй.

Перед отправкой на фронт, кроме основного обмундирования, винтовки и радиации, каждый из нас получил: противогаз, гранатную сумку, шанцевую лопату, каску, вещевой мешок с парой нательного белья, портянки, полотенце и другое. Шинели свернули в скатки. С 1 по 5 июля проходили тактические занятия в поле на палящей жаре, но все знали, что это игрушки, а гроза будет впереди. До 10 июля готовили аппаратуру связи. Все части дивизии готовили боевую технику для отправки на фронт.

11 июля 1941 года утром части дивизии двинулись строем на товарную станцию, где было сосредоточено много товарных вагонов для нашей погрузки. Провожающих на перрон не пускали. Происходила неопишуемая процессия проводов: истерические крики и слёзы. Я услышал из толпы выкрик моей фамилии, а потом увидел директора курсов Осипьянца Э. А., который пришёл проводить и передать мне небольшую сумму, так как расчёта я не получил.

К вечеру эшелоны один за другим стали отбывать из Ташкента. Военные эшелоны шли быстро, и остановки производились только на крупных железнодорожных станциях. Надо было видеть душевную угнетённость провожающих граждан: лица суровы, сосредоточены, а многие плакали. Всё это говорило о том, какое большое горе выпало на нашу страну. Москву проезжали ночью: столица была погружена во мрак светомаскировки. Не привык я видеть нашу столицу в таком состоянии в ночное время.

Недалеко от города Вереи, на небольшой станции, эшелоны дивизии начали выгружаться и сосредотачиваться в лесном массиве по частям. Поступали различные слухи о положении на фронтах, но толком никто ничего не знал. Можно было послушать по радиации, но развёртывать и включать радиостанции не разрешалось. Местные жители Вереи сообщили, что разведывательные самолёты немцев несколько раз появлялись над городом. Было приказано рыть укрытия-блиндажи, щели и боевые ячейки. Все части дивизии ходили поочерёдно мыться в баню в Верею.

К эскадрону пристали две приبلудные истощённые лошади, которых вручили мне с напарником. Третью лошадь дали под выючную радиостанцию РКР. Это громоздкая выючная рация изрядного веса. Лошади были потёрты, поэтому садиться на них не разрешалось, и всё

время приходилось вести их в поводу. Нам, радистам, надо было кормить и ухаживать за тремя конями, что ещё больше изматывало силы. Каждый конник получил по три пачки патронов, по три гранаты и галеты – как неприкосновенный запас (НЗ), выпечки 1935 года. Галеты были настолько жёстки, что не поддавались размягчению даже в горячей воде.

Дней через пять мы снялись и двинулись к автострате Москва – Минск. Дивизия была включена в состав 49-й армии, которой командовал генерал-лейтенант Захаркин, а дивизией командовал генерал-майор Фирсов. Кавалерийским эскадронам командовал капитан, по национальности татарин; фамилию забыл. Стояли жаркие дни, мы же шли при полной армейской выкладке. На каждом привале было приказано окапываться, и пока рыли окопы и траншеи, срок привала кончался и, по существу, шли без отдыха. Для маскировки передвижения колонн приходилось идти и ночью. Прошли г. Можайск, и навстречу нам стали двигаться автомашины с ранеными бойцами. Вся обстановка накладывала отпечаток на предстоящие сражения. По ночам немецкие тяжёлые бомбардировщики начали летать крупными группами на бомбёжку Москвы, а потом штурмовые пикирующие вражеские самолёты начали бомбить движущиеся колонны. Хотя мы и не дошли до линии фронта, но появились потери и в частях нашей дивизии. Меня поразило бескультурье, недостаточная грамотность и сплошное сквернословие некоторых средних офицеров, что никак не вязалось с моим прежним представлением.

Приближались к городу Вязьме – вражеская авиация свирепствовала. По обочинам автостраты валялись десятки наших разбитых и сожжённых автомашин. Город Вязьма горел от вражеской бомбёжки. Нам пришлось идти по просёлочным дорогам вдоль автостраты, которая была изрыта воронками от бомб. Горячее питание было один раз в день, и то только первое. От Вязьмы двинулись к городу Смоленску. Пикирующая авиация немцев беспощадно бомбила, а истребители – «мессершмитты» – гонялись на бреющем полёте буквально за каждым замеченным солдатом, открывая пулемётный огонь. До крайности всех нас огорчало то, что самолёты врага безнаказанно сбрасывали на нас смертоносные грузы, а из наших самолётов мы ни единого не видели. Не было и зенитной артиллерии. Бомбовыми ударами враг стремился посеять среди нас панику и дезорганизацию. Навстречу нам шли и ехали раненые бойцы. Впечатление было самое неприятное, которое усугублялось полным отсутствием нашей авиации и одноразовым плохим питанием. Идти стали только ночью, а днём рыли для себя окопы, блиндажи, землянки и щели для укрытий. По ночам тяжёлая вражеская авиация летела в сторону Москвы на бомбёжку.

За дни движения крепко обессилили. Ряд бойцов погибли или получили ранения, но впереди ожидалось худшее, а потом – смерть, ибо на жизнь в такой обстановке вряд ли кто рассчитывал, хотя очень хотелось за все злодеяния отомстить коварному врагу. С другой стороны, может быть, так нужно было, но нам, солдатам, казалось, что нас очень не жалеют, и мы буквально валились с ног от усталости.

Получен приказ о переформировании нашей дивизии из горнострелковой в линейную дивизию. Меня временно перевели в расчёт радиостанции 5АК, взамен раненого радиста. Шли по направлению Смоленска, за который шли крупные бои. Подошли к Днепру, который был исключительно укреплен рвами, надолбами, проволочными заграждениями, и оба берега реки были заминированы в несколько рядов. У всех нас создалось такое впечатление, что немцам здесь не пройти. Шли разные слухи о том, что немцы восточнее нас выбросили воздушный десант, ибо окружения больше всего боялись. Не дойдя до города Смоленска, нас повернули в северном направлении. Со стороны Смоленска хорошо прослушивался гром канонады – стрельба из разных видов оружия и бомбёжка. Все были в напряжённом душевном состоянии, ибо каждому надлежало принять боевое крещение.

Достигли города Белого, западнее которого шли бои. Вся линия фронта освещалась ракетами, шла артиллерийская перестрелка. Дивизия развернулась в боевые порядки в районе города Белого. Мне было предложено развернуть радиостанцию в перелеске, в удалении от

штаба. Командиры очень боялись вражеской пеленгации радиации и стремились удалить радиостанции от штабов подальше. Радиосвязь была устойчивой, но радиограммы надо было нести в штаб по открытой местности. Из-за той же боязни командиры вообще не шли на переговоры по радио.

Подожли основные вражеские силы, усиленные танками. Был открыт ураганный огонь из орудий, миномётов и пулемётов, а с воздуха сбрасывались смертоносные грузы. Силы были неравными: у нас не было авиации и танков. При очередном миномётном налёте осколком перебило антенну, и радиосвязь нарушилась. Мой напарник полез на дерево, чтобы укрепить антенну, но в этот момент мина ударила в дерево, и осколком был смертельно ранен мой радист. Радиостанцию разбило, а я успел укрыться в щель. Ползком добрался до штаба и сообщил о случившемся. Мне дали радиостанцию «РБ» и одного солдата. Вернулся на место. Я установил радиосвязь, и мы стали глубже рыть укрытия для себя и радиации.

Враг свирепел, не давая нам поднять головы. У нас же были на пределе обычные боеприпасы: снаряды, мины и патроны. Немцы ворвались в город, силы были неравными. Мы понесли изрядные потери. Был получен приказ снять дивизию и отвести во второй эшелон.

Прибыли во вторую линию обороны и расположились в лесу рядом с Днепром. Сразу же приступили к рытью щелей, окопов, землянок и блиндажей. Поступило продовольствие и, пожалуй, в первый раз за несколько недель мы вдоволь наелись хорошей пищи. Здесь же получили некоторое пополнение людьми и боевой техникой. Ведь от вражеской бомбёжки при движении к фронту и в боях под городом Белым мы понесли ощутимые потери, хотя и не видели ни одного живого паршивого немца.

Шли разные толки: куда теперь нас бросят? Одни говорили – отведут в резерв фронта, другие – что бросят куда-нибудь в более жаркое пекло. Предположение вторых оказалось правдивее. В одну из ночей нас сняли, и пешим ходом мы двинулись за Днепр на юго-восток. Прибыли на какую-то небольшую железнодорожную станцию, около которой расположились в ожидании вагонов. Здесь мельком мы узнали, что на южном крыле Центрального фронта враг прорвал нашу оборону и продвигается на восток, не встречая серьёзного сопротивления. Во что бы то ни стало его надо было остановить. Днём на станции было пустынно, а ночью изредка проходили поезда.

В одну ночь в спешном порядке эскадрон был погружён в эшелон и отправлен в южном направлении. У нас с радистом было по одному коню, ибо рация «РБ» выючного коня не требовала. Корма для коней не хватало, и командир эскадрона требовал с нас, радистов, как с настоящих кавалеристов. Поэтому от этих коней я с удовольствием ушёл бы в любое пехотное подразделение. От недоедания лошади на глазах худели, что в ещё большей степени раздражало командиров взводов.

Машинист паровоза нашего эшелона был опытный старичок, который умело уводил эшелон от вражеских бомбовых ударов. Телефонная связь между станциями всюду была нарушена бомбёжками, а сами станции подвергались массированным ударам. На некоторых станциях не находили obsługi, сидевшей в укрытиях. И когда начальник эшелона находил кого-нибудь из работников, то не мог получить вразумительного ответа, можно ли ехать дальше, ибо связи никакой не было. Поэтому ехали вслепую, наобум Лазаря. Некоторые эшелоны дивизии пострадали от вражеской бомбёжки. Нам же сравнительно благополучно удалось достичь города Калуги.

Проехали по мосту через реку Оку и получили сообщение, что впереди нас немецкие танки пересекли железную дорогу. Эшелон задним ходом двинулся обратно через мост, и мы выгрузились около города Калуги. Был дан приказ занять оборону около города. Заняли оборону на опушке соснового леса по реке Оке. Развернул радиостанцию и услышал о взятии немцами города Можайска. Оказалось, что нашу 49-ю армию сняли и оголили этот участок фронта, оставив там ополченцев с лопатами и винтовками без патронов. Поэтому немцы прошли через

укреплённый днепровский рубеж, не встретив серьёзного сопротивления, и достигли Можайска. К тому же в наших тылах был выброшен крупный воздушный десант, и несколько наших армий оказались отрезанными.

Место расположения штаба нашей 194-й стрелковой дивизии мы не знали, ибо эшелоны пошли по разным железным дорогам и дивизия не могла сосредоточиться в одном месте. Мы знали только, что дивизия ведёт тяжёлые бои за рекой Окой. Поэтому эскадрон временно был придан какой-то другой части.

Один из вражеских бомбардировщиков на бреющем полёте сбросил груз на спичечную фабрику, которая бушующим пламенем стала гореть. Был дан приказ перевести эскадрон к мосту через Оку и занять оборону на каком-то кладбище. Отдельные немецкие части подошли к Оке и открыли по нашему берегу огонь из пулемётов, миномётов и лёгкой артиллерии. Мы же не могли противостоять им одними винтовками.

К городу подошли основные силы немцев и открыли ураганный огонь, а с воздуха началась сильная бомбёжка. У нас же не было ни танков, ни самолётов. Немцы стремились форсировать реку Оку и занять Калугу. Город весь горел. Чтобы не сдать врагу ликёро-водочный завод, баки со спиртом были пробиты. Некоторые воины злоупотребляли спиртом и напились. Потом спирт был подожжён. Наши войска, как могли, обороняли Калугу, но силы были неравными; был дан приказ оставить город и отходить на восток.

Во избежание гибели коней и людей эскадрон также снялся с обороны. Мы отходили вдоль реки, лесом, по просёлочной дороге. Стремясь форсировать реку, немцы били из всех видов оружия. Нам пришлось ползком перемещаться, ведя коней в поводу. Несколько коней было ранено. Многие наши солдаты – раненые и изуродованные – выползали из леса на дорогу и просили помощи, но оказывать помощь было некому.

Железнодорожный мост через реку Оку сапёры почему-то подорвать не успели, и он остался у немцев невредим. Прибыли в небольшую деревню и получили понемногу хлеба. Зарезали двух блуждающих коров и поделили сырое мясо. Было приказано каждому спешно сварить себе в котелке, ибо полевая кухня эскадрона была разбита. Как могли, поели, а остатки полусырого мяса положили в вещевые мешки и двинулись дальше.

По пути движения из леса вышло несколько крестьян, которые несли что-то тяжёлое в мешках. Оказалось, что мешки у них набиты рамками с сотовым мёдом, а спины у них были все в мёде. Они сообщили, что в лесу крупная совхозная пасека осталась беспризорной. Эскадрон повернул в лес и действительно увидел множество ульев со снятыми крышками. Было уже холодно, и пчёлы лететь не могли. Наелись мёда кто как мог, прихватили про запас рамки с мёдом. Некоторые солдаты объелись мёдом и заболели, что было связано с большими неприятностями для командиров взводов.

На следующий день узнали, что восточнее нас немцы высадили крупный воздушный десант, чего очень боялись. Мы вошли в лес и на просеке обнаружили обоз у разбитого склада с продовольствием какой-то дивизии, но взять нам ничего не разрешили, ссылаясь на то, что это будет мародёрство. У нас же не было никакого запаса питания. Оставили двух конников охранять склад, а эскадрон был введён в глубокий овраг для маскировки. Один взвод вышел в разведку и выяснил, что на этом месте наша дивизия вела бой с десантниками врага. Отступила и оставила склад продуктов. Немного покормили сеном коней, а сами получили по пачке пшённого концентрата, взятого командиром эскадрона из разгромленного продсклада. К вечеру увидели, что один всадник из охраны склада мчится галопом, а второго нет, хотя конь также прибежал. Оказалось, немцы тихо подошли к складу и автоматной очередью сразили одного всадника, а другой успел ускакать.

Эскадрон двинулся другой дорогой, а навстречу нам бежали несколько женщин с криком, чтобы мы остановились. Они сообщили, что впереди нас деревня занята немцами. Когда мы

спросили, где можно хоть немного перекусить, они отвели нас в какой-то сепараторный пункт, где было много пересоленной брынзы, которой мы и закусили.

Наш командир эскадрона связался с командиром какой-то стрелковой части, который приказал произвести разведку скопления десантных войск немцев. Несколько раз взводы выходили поочерёдно в разведку, и с каждым взводом мне приходилось выезжать с радиостанцией, чтобы поддерживать связь с эскадроном. С каждым выходом мы теряли людей и коней. Повсюду в лесу были «кукушки» – немецкие автоматчики сидели на деревьях и поливали автоматным огнём.

В одном селе выявили небольшое скопление немцев. Об этом сообщили в штаб стрелковой части, которая пробилась на восток, а затем благополучно вышел и наш эскадрон.

Частям, отходящим организованно, по указанию свыше колхозы выделяли кое-какие продукты. Однако большинство солдат и офицеров отходило неорганизованно, и особенно ополченцы, которых мы называли лапотниками: этим людям продукты не выделялись, и они выдыхались от голода; часть из них оставалась на оккупированной территории.

Однажды эскадрон вышел из леса на чистое ровное поле. Появилась «рама» – разведывательный двухфюзеляжный самолёт. Мы по привычке уже знали: добра не жди. Минут через 10–15 появилось несколько звеньев пикирующих бомбардировщиков, которые начали утюжить нас бомбометанием и огнём из пулемётов. Был дан приказ оставить коней и укрыться в щелях, которые от прошедших дождей наполнились водой, а от заморозков покрылись коркой льда. Кто успел, тот попрыгал в ледяную воду: ржание коней, рёв самолётов, взрывы бомб и стоны раненых – всё смешалось.

После отлёта стервятниковловили оставшихся коней, раненых коней пристрелили, погибших конников наспех похоронили, а раненых, как могли, перевязали и положили на оставшиеся повозки. Радиостанцию у меня разбило, и конь погиб. В таком состоянии начали отход к городу Серпухову. Немцы буквально по пятам преследовали отходящие части, и при каждой остановке на большой привал открывался артиллерийский огонь. Мы и другие организованно отходящие части, как могли, оказывали сопротивление и сдерживали наглый натиск фашистов.

Крестьяне со страхом и ужасом смотрели нам в глаза и спрашивали: «Куда уходите? Почему уходите? На кого нас оставляете? И что с нами будет?» Мы отвечали, что вернёмся, хотя нечётко себе представляли, как вернуться. Враг был силён, жесток и коварен. Он творил на нашей земле самые бесчеловечные злодеяния. К тому же у нас зачастую не хватало даже патронов, и когда погибал наш солдат, то его сразу же обшаривали, проверяя патронташ, чтобы найти хоть с десяток патронов.

Прибыли в Серпухов, где находился штаб нашей 194-й стрелковой дивизии и разрозненные подразделения полков. В дивизию стало поступать пополнение людьми – в основном за счёт отступающих бойцов и командиров. Обильно поступала боевая техника, которой так не хватало нам в период отступательных боёв. Наш эскадрон также получил пополнение людьми и недостающими конями. Радиостанция в эскадрон не поступала, и я стал рядовым кавалеристом, хотя конник из меня был неважный. Часто у лошадей были потёртости, а при потёртостях в седло садиться не разрешалось, и в походах приходилось вести коня в поводу.

Около города жители прилежащих деревень и горожане соорудили надёжные укрепления, где и заняли оборону стрелковые полки дивизии. Эскадрон был расположен в пригороде Серпухова, в сараях какого-то совхоза. Для себя вырыли землянки. Конные взводы выходили в разведку, а мне приходилось часто стоять в нарядах.

Получен приказ во что бы то ни стало город Серпухов удержать в своих руках и не сдать врагу. Хотя это было не так просто. Справа от нас немцы были в тридцати километрах от Москвы, а слева в полукольце был город Тула, и Серпухов глубоко вклинился во вражескую

оборону. Немцы рвались к городу и часто предпринимали яростные атаки, но каждый раз отбрасывались, неся большие потери. Словом, враг здесь встретил твёрдый орешек.

Чувствуя, что лобовой атакой прорваться нельзя, враг начал обстреливать город из дальнобойных орудий и бомбить с воздуха. Однако стервятники встречали заградительный огонь наших зениток. Обороняя Серпухов, мы, солдаты, понимали, что город является воротами к южным подступам к нашей столице, и отступать больше нельзя. К тому же мы насмотрелись на звериный облик фашистов, приобрели жгучую ненависть к ним, и каждый дал себе слово отомстить врагу, не считаясь с жизнью.

Однажды я в составе одного конного взвода выехал на место прошедшего боя – якобы собирать трофеи. На самом деле мы не видели ни единого немецкого патрона. На месте боя обнаружилось множество наших погибших воинов, которые разлагались, и в лесу стоял зловонный запах. Собирали наши автоматы, винтовки и прочее снаряжение погибших солдат. Враг обстреливал из пулемётов, винтовок и автоматов. Пули свистели в лесу, но мы к этому привыкли и не придавали значения.

У одного погибшего лейтенанта я начал снимать бинокль, но под ним зашипела и воспламенилась бутылка с зажигательной смесью, и труп, как факел, начал гореть.

Получен приказ перевести эскадрон в лес, так как немцы начали обрушивать на нас артиллерийский огонь и бомбить с воздуха. В лесу начали рыть землянки для себя и коней. Земля была мёрзлая и поддавалась лопатам с трудом. После переброски эскадрона меня назначили связным на дивизионный наблюдательный пункт (НП). Доставлял туда и обратно различные донесения.

Наступали сильные морозы, и мы получили дополнительную тёплую одежду, а главное – валенки, которые избавили от злополучных обмоток. Однажды водили нас в город мыться в бане, но из-за обстрела и сильной бомбёжки помыться нам не удалось.

Командир роты связи 470-го стрелкового полка нашей дивизии каким-то образом узнал, что в разведывательном кавалерийском эскадроне имеются радисты, которых используют не по назначению, а в полку их не хватает. По разрешению командира дивизии нас троих радистов направили в этот полк. Я был очень доволен тем, что остался без лошади, которая требовала систематического ухода и буквально выматывала силы.

Прибыли в штаб полка, который размещался за рекой Окой, в лесном массиве. В одном из блиндажей нас проверили в работе на радиостанции «РБ», после чего меня оставили в роте связи при штабе полка, а остальных радистов направили с радиостанциями в батальоны. Я начал держать поверочную радиосвязь со штабом дивизии и батальонами. Питание в полку было несколько хуже, чем в эскадроне. Командиром радиовзвода был лейтенант Майоров, который в радиотехнике разбирался слабо, но был волевым и молодым человеком.

Справа от нашей дивизии начался прорыв вражеской обороны, и как только немцы были оттеснены от Москвы и линия фронта оказалась на уровне Серпухова, был дан приказ 49-й армии перейти в наступление. К линии фронта начали подтягивать артиллерию, реактивные миномёты и танки. В одну из ночей сапёры в маскхалатах поползли для разминирования нейтральной полосы. В воздух взвились сигнальные ракеты, и открылся огонь по вражеской обороне. Здесь я впервые увидел работу наших знаменитых «Катюш». Вперёд двинулись танки, а за ними поднялись стрелковые подразделения. Но наши танки как-то замешкались, а некоторые из них были подбиты и подожжены. Мы заняли передние вражеские траншеи, и дальше наше наступление сорвалось. Враг несколько раз пытался выбить нас из занятых рубежей, но каждый раз отбрасывался, неся потери. Штаб полка разместился в добротном немецком блиндаже.

Дней через десять снова были подтянуты наши танковые, артиллерийские и миномётные части. Перед рассветом был открыт ураганный огонь. Наши танки стали действовать смелее.

Штурмовая авиация громила вражеские коммуникации. Немцы дрогнули и начали с боями отходить к реке Протве. Началось наше наступление.

На реке Протве враг стремился оказать яростное сопротивление, но наш 470-й полк обошёл с флангов село Дракино и освободил его. После форсирования реки Протвы начали развивать наступление по направлению города Малоярославца. С тяжёлыми боями г. Малоярославец был освобождён, и мы начали продвигаться по направлению города Медыни, ломая упорное сопротивление немцев.

Очень тяжёлыми были условия боя. Стояли на редкость сильные морозы, и много было снега. Фашисты при отступлении всё сжигали, а что не горело – взрывали. Поэтому мы наступали буквально по выжженной пустыне и всё время на морозе, не имея очага тепла. Мы с напарником-радиостом, кроме всего прочего, несли на плечах радиостанцию. Командир полка приказал развёртывать рацию подальше от себя, боясь её пеленгации немцами, поэтому развёртывали её обычно в лесу. От сильных морозов батареи и аккумуляторы замерзали, напряжение снижалось, и связь нарушалась. Приходилось работать ключом со снятыми перчатками. В результате концы пальцев были обморожены. Лицо от обморожения предохранял подшлемник, снятый с убитого солдата. Хлеб привозили мёрзлый: его рубили топорами или распиливали пилой. Вообще, в начале войны командиры не уделяли должного внимания радиосвязи, а проводная связь систематически рвалась, что зачастую отражалось на наступательных операциях.

По всем направлениям отступления немцы бросали одежду и разные тряпки, награбленные у населения. Навстречу нам шли освобождённые граждане – при трескучем морозе, обморозенные и голодные. В одном освобождённом селе обнаружили в погребе наших плененных солдат, которые от истощения не могли подняться. Видимо, немцы при отступлении забыли туда бросить гранаты, как это они всегда делали.

В ночь на 1 января 1942 года мы ночевали в полностью сожжённой деревне, оставленной немцами. Деревня догорала, торчали одни трубы. В пепле и золе мы выкапывали испечённую картошку и лакомились ею, встречая Новый, 1942 год. От пожарищ земля ещё не остыла, и мы грелись на ней. На окраине деревни чудом уцелел домик, в котором разместился штаб полка. Видимо, снайперской пулей был смертельно ранен командир полка; его заменил капитан Мазеркин. Ночью слышали приглушённый женский голос. В одной из русских печей обнаружили истощённую пожилую женщину, которая забралась в неостывшую печь, а выход заваляло кирпичом. Потом печь остыла, и она стала мёрзнуть. Мы её вытащили и отправили в медсанбат дивизии.

Чем дальше мы продвигались вперёд, тем упорнее оказывал сопротивление враг и тем больше таяли наши силы. Каждую выжженную деревню, высоту и перелесок приходилось брать с боем. При взятии отдельных деревень, как в мясорубку, бросали один батальон за другим. Весь снег покрывался трупами, а потом в одну из ночей деревню поджигали факельщики. Это значило: враг оставил деревню, не оставив ни одного убитого фрица. На наш солдатский взгляд можно было бы обойтись без таких бессмысленных жертв. Может быть, мы ошибались, но разговор среди нас шёл прямо: нас просто не берегут.

У нас очень мало было маскировочных халатов, и мы на белом фоне снега были хорошей мишенью для немцев. Рыть укрытия в мёрзлой земле при наступлении не представлялось возможности. Поэтому при малейшем нашем скоплении в лесу враг открывал артиллерийский огонь и бомбил с воздуха. Часто после такого налёта на сучьях деревьев висели обрывки одежды и куски мяса. При отступлении немцы оставляли вдоль дорог различные заминированные побрякушки. Из любопытства некоторые солдаты брали «сюрприз» и подрывались на минах. Против вражеских танков применялись малоэффективные средства: бутылки с горючей смесью, обученные собаки, гранаты и т. д. В первые месяцы некоторым подразделениям выдавали кольца, которые себя не оправдали.

Вши стали буквально заедать нас, и при кратковременной остановке в обороне разводили костры и на морозе снимали нательное бельё, вытряхивая из него паразитов в пламя костра.

Горячую пищу привозили один раз в сутки, и то не всегда: готовили её где-то в тылах. Командование рассчитывало на трофейные продукты, которые немцы оставляли в редких случаях. В одном населённом пункте немцы бросили переносную радиостанцию «Торн» с зарядным устройством; один лейтенант, немного владевший немецким языком, помог мне разобраться и применить трофейную рацию для связи.

Достигли г. Медыни, оттуда нас повернули в сторону города Юхнова, за который шли сильные бои. Продвигались вдоль линии фронта по глубокому снегу. Немцы нас систематически бомбили, выводя из строя и без того поредевшие подразделения. Пройдя Полотняный Завод, повернули в сторону линии фронта. Севернее г. Юхнова дошли до линии фронта и двинулись дальше вглубь немецкой обороны. С флангов от нас шли бои, а мы двигались на запад, к рубежам Смоленской области. По пути продвижения валялось много убитых немцев.

Мы оказались глубоко вклинившимися в немецкую оборону. Потом узнали, что вражеские тылы громили наши десантные парашютные части, которые пробивались через линию фронта, соединяясь с наступающими войсками. В образовавшуюся брешь во вражеской обороне и вклинили нашу дивизию, а может быть, и всю 49-ю армию. При движении в одном месте я повстречался с поредевшим кавалерийским эскадроном. Конники сообщили: кто убит, кто ранен, – и удивились тому, что я до сих пор жив. В одном месте мы обратили внимание на то, что у многих убитых немцев отрублены ноги. Оказалось, что местные жители, ограбленные немцами, были полуразуты: они отогревали в печах отрубленные ноги, чтобы снять с них сапоги. За Юхнов шли крупные бои, а мы вели бои далеко за Юхновым, на рубеже Калужской и Смоленской областей.

В боях во вражеских тылах наш 470-й полк освободил небольшую деревню Куновку. Я связался по радио со штабом дивизии, откуда сообщили, где они находятся, и о том, что их бомбят фашистские стервятники. На следующий день я ездил на истощённой лошади в штаб дивизии за батареями для радиостанции. Лошадь еле передвигала ноги, и когда я проезжал через небольшую рощу, подумал: если появятся немцы, то на этой кляче далеко не уедешь.

По прибытии в штаб полка узнал, что немцы стремятся окружить полк. К вечеру в той самой роще появились отряды немецких лыжников в масках. Этим завершилось окружение нас врагом. Боеприпасов в полку было достаточно, но продукты питания кончались. Связь со штабом дивизии держалась только по радио. Несколько дней просили помочь пробить брешь во вражеском кольце, чтобы доставить нам продовольствие. Сообщили, что на подходе гаубичный полк, но потом выяснилось, что на подходе этот полк был разбит немцами.

Питаться стали сырой, несолёной кониной. Огонь разводить не разрешалось, ибо с появлением дыма немцы открывали миномётный огонь. Мёрзлую конину оттаивали за пазухой шинели. Кто-то подсказал, что в погребах стоят бочки из-под капусты. Мы стали наливать в них воду и в подсолённую воду опускать куски конины. Хотя немного, но всё же было приятнее жевать.

Несколько раз посылали связных в штаб дивизии, но связные или погибали, или возвращались ранеными. У многих из нас от больших переходов валенки совсем развалились. В районе тригонометрической вышки, рядом с деревней Пуповкой, один наш батальон провёл бой. Многие солдаты из числа пополнения погибли. Командир роты связи приказал тем, у кого совсем развалились валенки, пойти на место прошедшего боя и снять валенки с погибших, пока они не замёрзли. Я подумал, что с такого открытого, обозреваемого места можно и не вернуться. Однако человек пятнадцать пошли. Как только вышли на возвышенность, враг открыл пулемётный и миномётный огонь и, естественно, всех «обул». Никто не вернулся, а командир роты отделался выговором.

Около двух недель мы жили на сырой конине и, конечно, совершенно обессилили. Как только стали на исходе боеприпасы, остатки батальонов были сняты и брошены в одном направлении – с целью выхода из кольца вражеского окружения. Немцы начали преследовать нас и били прямой наводкой. По ложине к лесу начали выходить остатки obsługi штаба полка. Я открытым текстом передавал по радио всё, что происходит.

В этот момент вбежал второй радист и крикнул: «Немцы!» Тут же ударил снаряд, и от взрыва дом загорелся. Мы разбили радиостанцию, сожгли документы и выбежали из дома. Немцы шли в полный рост и, как из шлангов, поливали автоматным огнём. Мы под дымовой завесой по огородам побежали в ложину. Много валялось наших солдат – раненых и погибших. Около крайнего домика на улице меня увидел командир роты и приказал пойти на пригорок к сараю, где занимали оборону связисты, и сообщить им об отходе. Добрался ползком к сараю и увидел одни клочья от оборонявшихся. Чтобы не лезть по сугробу, катком скатился в ложину, через которую перелетали снаряды и пулемётные очереди.

Увидел меня старшина роты и предложил вернуться и взять зарядный агрегат. Я ответил, что там уже немцы. В этот момент появились пикирующие бомбардировщики, которые начали на бреющем полёте буквально расстреливать отступающих по ложине. После бомбёжки многие погибли или получили ранения. Нас осталось очень мало – до предела обессиленных солдат. Мы еле переступали по сугробам, по пояс, к лесу. Погибших похоронить не успели, и судьба раненых осталась неизвестной.

Достигли леса: справа и слева от нас трещали пулемёты и автоматные очереди. Вышли на противоположную опушку. Подсчитали, сколько осталось в живых. Командир полка направил разведку, чтобы найти место расположения штаба дивизии. Вскоре разведка вернулась и сообщила село, где находится штаб дивизии. На рассвете прибыли в штаб дивизии, где получили по куску мёрзлого хлеба и по кружке сладкого чая. В сарае на соломе разместились отдохнуть.

Морозы усилились, отмороженные мякиши пальцев ныли: кожа с них сползла. Лицо несколько предохранял подшлемник, тем не менее нос несколько раз обмороживался. Дня через три получили новую радиостанцию «12-РП». Полк стал пополняться солдатами и боевой техникой. Как всегда, при обороне мы стали получать по 100 граммов водки в день и по 200 граммов в период наступательных операций. Командир дивизии объявил полку благодарность за выполнение поставленной боевой задачи. Сказывалось, что мы, находясь в окружении, отвлекали крупную немецкую группировку от линии фронта и, в частности, от города Юхнова, за который наши войска вели упорные бои.

Я с радиостанцией и несколькими связистами разместился в домике без окон, с развалившейся печью. Мы хотели сложить печку, но хозяин не разрешил взять глину из-под пола, боясь промерзания картошки. Сам старик с женой голодал и выпрашивал у нас кусок хлеба. Немцы начали систематически бомбить деревню. Тогда хозяин решил эвакуироваться куда-то за то село, где размещался штаб дивизии. При этом нанял трёхтонную машину и из-под пола извлёк 35 мешков с мукой и крупой. Мы были до крайности возмущены кулацкой натурой этого тщедушного старика.

Город Юхнов, по существу, находился в полуокружении наших войск, тем не менее из-за стратегического положения этого города враг стремился удержать его в своих руках. Полк занял оборону на опушке небольшого леса, за которым находился небольшой немецкий аэродром. С него вражеские лёгкие самолёты «горбыли» вылетали для бомбёжки наших войск, ведущих бои за Юхнов.

Перед полком была поставлена задача взять этот аэродром, чтобы создать благоприятные условия для освобождения Юхнова. Это было в конце февраля 1942 года. Один батальон должен был начать наступление. Однако проводная связь от вражеских обстрелов систематически рвалась и была нарушена радиосвязь. Командир полка требовал немедленного восстановления радиосвязи, так как срывалась боевая операция.

Командир роты связи приказал мне встать на лыжи, пойти в указанный батальон, установить радиосвязь с полком и вернуться. Я подошёл к перелеску, где батальон занимал оборону. Солдаты сидели в снежных окопах, посиневшие от холода. Немцы обстреливали перелесок артиллерийским и миномётным огнём – от деревьев только щепки летели. Оставил лыжи и пополз по сугробу в сторону наблюдательного пункта командира батальона, но слева, под сосной, заметил штыревую антенну. Значит, это то, что мне было нужно. Радисты сообщили, что их почему-то не слышит штаб полка. Я переключил батареи питания, которые были неправильно подсоединены, и установил радиосвязь с рацией штаба полка.

В этот момент подбежал командир батальона. Я доложил ему о нормальной радиосвязи и попросил разрешения вернуться в штаб полка. Когда полз обратно, справа от меня в дерево ударила мина. Осколки брызнули в меня, я перевернулся на спину и потерял сознание. Кто подобрал меня, не помню.

Вошёл в себя в санитарной роте полка, откуда меня спешно на санях отправили в медсанбат дивизии. Было очень много раненых и обмороженных. На носилках унесли в какую-то полуразрушенную школу. Хирурги ходили, как мясники, в окровавленных халатах с засученными рукавами, а в углу лежала куча ампутированных ног и рук.

После операции проснулся в небольшой крестьянской избе, где лежало много раненых и больных. У меня резко поднялась температура: оказалось, что от потери крови, слабости и плохого укрытия при перевозке я прихватил воспаление лёгких. По ночам около меня неотлучно находилась женщина – видимо, медсестра, – которая спала, сидя около больных. Она сообщила мне, что страшного ничего нет и всё, что было лишнее, хирурги удалили.

Дня через три нас начали перевозить на санях в полевой госпиталь, который размещался в сараях бывших животноводческих ферм. Сарай отапливались чугунными печами, и было очень холодно. Круглыми сутками стояли стоны раненых и больных. Здесь мы узнали, что город Юхнов взят нашими войсками. Словом, по существу, и кончилось моё участие на Центральном фронте.

Недели через две нас стали отправлять на машинах в Малоярославец, но госпитали были переполнены, а сам город лежал в развалинах. Нас прямо на носилках разместили на станции, в каком-то дощатом сарае. От мороза и сквозняков мы буквально замёрзли. Сёстры и санитарки не успевали подносить к нашим ногам грелки с горячей водой. Потом подошёл состав тёплых, утеплённых товарных вагонов. Нас положили на нары и отправили в Московский сортировочный госпиталь.

После прибытия в Москву на специальных машинах нас отправили в госпиталь, который размещался в каком-то большом здании. В палатах было тепло и светло. Через день в клубе госпиталя должны были показывать фильм. По моей просьбе медсестра привела меня в клуб. Объявили, что до начала киносеанса будет музыка. С началом музыки, после перенесённых испытаний, у меня брызнули слёзы, ибо всё это казалось как во сне – впечатление было такое, будто заново на свет родился. Картину от слабости я не мог смотреть, и сестра увела меня в палату.

Дней через пять нас автомашинами отправили на какой-то вокзал и погрузили в тёплые товарные вагоны для отправки в глубинные госпитали. На нарах вагона была тёплая постель, но куда повезут – никто не знал. Ехали в направлении Казани. В пути у многих открывались раны, и таких высаживали на ближайших станциях. Всех ранобольных высадили в Казани и на машинах отправили в госпиталь, который размещался в здании бывшего банка.

В госпитале было неплохо, но не хватало питания: появился хороший аппетит, и я стал нормально ходить. Из госпиталя я связался письменно с боевыми друзьями. Они сообщили, что меня считают без вести пропавшим, и после выздоровления снова приглашали вернуться в свою часть, хотя сделать это было невозможно. Они также сообщили, что немецкий аэродром был взят нашим 470-м полком.

Выдавали нам в день по 50 граммов сахара и на три дня – пачку махорки. Всё это я собирал и нелегально относил на рынок для обмена на хлеб. Только благодаря этому я и мог относительно быстро подняться на ноги.

Потом сильно у меня воспалился правый глаз, который начал болеть ещё в период высокой температуры. От правого глаза начал болеть и левый. Встал вопрос об удалении правого глаза, чтобы сохранить левый. Меня перевели в глазной госпиталь, где стали применять различные методы консервативного лечения, чтобы сохранить глаз и обойтись без операции. Воспалительные процессы были сняты, но зрение правого глаза осталось очень слабым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.